

Подборка: Предчувствие зимы

По преискуранту осень не в цене
Красное пространство
Осень
В этот раз ноябрь какой-то совсем иной

Предчувствие зимы слегка горчит и ранит
В ступе дня – без толку слова толочь...
Сыну
Серо, сыро – ни осень и ни зима...

Стоя здесь, я сейчас вдалеке
Рождественское
Оттого ль, что тепла ощущаешь лимит

***

По преискуранту осень не в цене – висят дожди линялые вне спроса, и позолоты ширпотреб – извне, а вот с изнанки – вечный знак вопроса. Сеутулившись от мыслей непростых, он тянет в город, к фонарям да лужам, молчанье вместо звуков холостых предпочитая там, где смысл заужен.

Откинув чёлку, чтоб не до бровей, изнеженное горло в шарф укутав, иду на местный старенький Бродвей, мощённый, подшлифованный, лоскутный. Пестрят витрины, но, слышав клин, вдруг застываю в колкости озноба – и мне в затылок дышит синий сплин, а манекен поглядывает снобом...

Догадлив он – и впрямь не всё равно, чьи и какие целовать мне губы... и, пусть переболело всё давно, бежит печаль по водосточным трубам и по щекам, а падающий лист в футляр ложится медленно, и мечет иллюзий бисер аккордеонист, и в ритме танго подступает вечер.

8

Красное пространство*

Стекает краска по холсту, спекаясь корочкой крапلاчной... пылает алый за версту, пусть воспалённо, но не алчно. Страстей моих доворот впечатан выплеском эмоций, картина – исповедь, не врёт: вот плавится на красном стронций, пожухлой зелени когна – знак увядающей надежды... навряд ли каждому видна метафора сия, где между уставших веток есть слова... а, впрочем – что мне суд невежды? не спросит с сердца голова, сорвавшего с себя одежды. Под ношей замер венский стул, что белым мнится мне скелетом, на нём сидевший гость рискнул всерьёз назвать меня поэтом.

* название картины

9

***

Осень клин, уводящий мой взгляд, переключка гортанная в небе... Это вовсе не птицы летят высоко так, не лебеди... Это ангелов стая парит, покидающих землю, надолго ли? Оттого ли так сердце саднит, от причастности к долгу ли?

7

***

В этот раз ноябрь какой-то совсем иной: грозовой, непокладистый, норовистый, беспокойный, нахрапистый, озорный, несговорчивый, сбивчивый, мгlistый. Неврастенник он, шулер и полиглот, то в проулках простуженных шумно дышит, то, бессонницей испортив, закрыв ей рот, с вечной скрипкой взлетит на крышу – тронет струны слегка смычком, горбоносый, забудется с ней до рассвета... и заставит всю ночь пролежать ничком, превратившись в слух по канве сюжета. То предстанет потом, аки стражник строг, то мальцом юродивым в переходе собирает милостыню из строк, и людскую скупость не судит вроде...

7

***

Предчувствие зимы слегка горчит и ранит. предчувствие зимы – печаль в оконной раме где забыт дерева в отрешьях и без оных, где тучи тяжёлы, похожи на бизонов, и воробьиный гвалт почти уже не слышен, и морось улеглась на трассы и на крыши...

Предчувствие зимы с депрессией похоже: и взгляд без огонька, и стынь царит под кожей, и тёмных красок вид – унынье колорита – мне пережить сложней незнания иврита. Но в ожиданье том, и тягостном, и грустном, захочется зимы шальной, со снежным хрустом!

7

***

В ступе дня – без толку слова толочь... знаю, стих всегда взрывает в ночь, рания ритмом, вызывая, – не дыши, а вдохнись, так значит, опять пиши. Вот-те, чадо, пёршыко – чик-чирик, не в чернила жидкие окунай, а в крик, в трепет, в нежность, в выдумку – пробуй сам отметать пустоты, лузгу да спам.

Потянулись строчки со всех сторон – перепалка всюду их, перезвон окружает слух мой и слогом жжёт, может, мне накапать в тетрадку йод? Может, прекратится озноб? – ан нет, просто ночь умеет хранить секрет, погружая в сон бессловесных, в пух, перерезав струны им, память, слух...

Одержимы даст, как она сама, россыпь рифм, смотрите – полна сума. Среди нас, не спящих, не сыщется лень отступивших шатко в беззвучность, в тень, с окон смывших звёзд голубую сыпь, променяв на прочность твердьень – их зыбь, чтоб твердым утром, вошедшим в дом, не глотать бы воздух, как рыбе – ртом.

6

Сыну

Что краска в тюбике, в свинцовой тишине запаяны слова и междометья, весь ворох звуков, слышимых извне на протяженье суток ли, столетий... А, может быть, не звуки, я сама запаяна в беззвучие до срока – взгляд отменяет: скатерть, бахрома... мозг не находит смысла в том и прока, пока в беззвучье не вонзится зов пронзительной атаккой телефона... и ты спокойно скажешь – жив-здоров, мне возвратив покой и звуки фона.

7

***

Серо, сыро – ни осень и ни зима... сколько мгле коченеть по жилам? не сойти б, не сойти б с ума мне, приравненной к старожилам. Здесь под взглядом стражников фонарей и дворов уклад, и дворцов капризы, здесь в реке над тюрсами якорей забнут души их – облаков репризы, и сочтётся будничный лейтмотив, что вода из крана, под сень пророчеств, изнашившись, пал, облетел наив – ни отечество, ни дат, ни отчество, лишь дождя верлибр, морозящий слог над скупым отпечатком страха, и открытый блог, и уснувший Бог, и рецепт на чакону Баха.

9

***

Стоя здесь, я сейчас вдалеке, где сквозь годы рябит рябина... и прохожий, идя належке, ощущаю – мне смотрит в спину... Может, память взяла перевес, и по воле её каприза, первым снегом слетает с небес на меня вдохновения риза. И мне чудится утренний свет, и морозца узоры резные... Посылаю сугробам привет, им чужая и присно, и ныне...

7

Рождественское

Мороз и солнце – день чудесный!
А. С. Пушкин

Снег выпал прямо к Рождеству, и город стал открытой зимней. Всё, словно как по волшебству – мороз и солнце, колкий иней! Не отрываться б от окна... А лучше – в лес, где больше снега, где в детской радости чудес вдруг возникает жажда бега! И хочется играть в снежки, на санках лихо с горки съехать, следов разгадывать стежки на тропках или звуки эха, ворсистой варежкой смахнуть сугроб с пенька, чтоб отдышаться... ну а потом в обратный путь, а с лесом – даже не прощаться.

Но вскоре вечер сменит день, чтоб написать свои странички... ему, волшебному, не лень наполнить запахом корицы квартиры, тишину впустить, мелодией сопровождая, зажечь огни – желаний нить, чтоб каждый, чуда ожидая, забыл о суетности дней, где вперемежку – труд и встречи, где всё в поспешности затей с погрешностью на миг... а вечер в снег пеленает ночь одну, как будто кроху в полотенце... И видишь наяву Звезду и в яслях спящего Младенца.

10

***

Оттого ль, что тепла ощущаешь лимит, забнут строчки, тетрадь постоянно знобит, и укутавшись в плед, подбородок уткнув, тусклый день заодно в наготу упрекнув, в некой скупости цвета, эмоций и слов, словно их за собою увёл крысолов, расстилаешь оставленный им же туман, принимая нежданной строки талисман.

И тогда понимаешь, что выход – в себе, и стараешься код отыскать свой в извне – некий знак в закоулках ли сна, в записной, остающейся у некой звезды – запасной, ожидающей выход свой, эру и час, берегущей огонь, чтобы тот не угас, чтобы не был украден или кем-то гоним, и молящей о близких, о тех, кто любим.

7

© Ульяна Шереметьева, 2015–2017.
© 45-я параллель, 2017.

